

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Э.С. КУЛЬПИН-ГУБАЙДУЛЛИН

Восточный ритм русской истории

В истории взаимоотношений человека и природы, истории биосферы Земли и Универсальной истории¹ (или социоестественной истории – СЕИ) проблема пространства-времени не может решаться иначе, как исходя из ограничений двух взаимодействующих подсистем – природы и общества. Поскольку в природе минимальное время² для процессов – *один век*, то было принято, что процессы в обществе должны за данный интервал времени суммироваться, и это делало возможным подвести их общий итог³. Использование века как минимальной единицы измерения сопряженных процессов в природе и обществе в целом оказалось результативным для исследования истории цивилизаций. Однако дальнейшие исследования заставляют уточнить единицу измерения.

Поскольку в социоестественной истории речь идет об истории жизни народа как биологического и социального организма, то используемой единицей измерения времени может быть только смена поколений: именно за этот период происходят генетические и ментальные (вспомним о вечной проблеме взаимоотношений "отцов и детей") изменения в жизни людей. За единицу времени смен поколений в СЕИ, как у демографов, можно принять интервал *между рождением отца и его первенца-сына, матери и ее первой дочери*. Ныне этот интервал составляет 20 лет, в древности и средневековье он был меньшим – 16–18 лет.

Однако данный интервал времени отличается от минимального времени в природе – века и не всегда кратен ему. Отсюда проблема: сколько смен поколений в жизни людей совместимы с изменениями в жизни природы? Поскольку проблема непосредственно возникла в ходе конкретного исследования истории Золотой Орды, то естественно появился и ответ на вопрос, исходящий из тюркских традиций: издревле каждый тюрк должен знать минимум *семь поколений* предков.

Что означает срок смены семи поколений с точки зрения СЕИ, конечная цель которой – изучение ментальности, сознания и общественного бессознательного

¹ Об Универсальной истории см. [Назаретян, 2001].

² Эта единица времени относится к самым быстротекущим изменениям в природе – климатическим. Причем в результате антропогенизации биосферы Земли переход из одного режима климата в другой может стать еще более кратким.

³ Теоретические положения СЕИ и их применимость в конкретном историческом анализе были защищены в докторской диссертации и опубликованы в [Кульпин 1988; 1992; 1993; 1995; 1999].

больших групп людей? Семь поколений соответствуют пределу передачи той информации, о которой прадед может сказать правнуку: "Мой прадед рассказывал мне то, что видел своими глазами". За пределом семи поколений нет возможности передачи прямой информации о жизни прошлых поколений, их представлений о мире и о себе.

Что же следует из этого для социоестественного исследования? Во-первых, то, что срок смены семи поколений совместим с минимальными по времени процессами изменений в природе. Во-вторых, семь поколений как единица измерения времени не является постоянной подобно астрономическим единицам, а варьирует с течением времени. В-третьих, имеет смысл просмотреть ход истории *через призму* смены семи демографических поколений. Исследование обещает быть результативным хотя бы потому, что рассмотрение истории Золотой Орды через призму смены поколений уже позволило получить ряд ответов на вопросы, на которые традиционные исследования ответа не давали [Кульпин 2006; 2007⁶].

Интересны результаты деления истории России на семипоколенные циклы⁴, начиная с монгольского нашествия. *Первый* семипоколенный цикл жизни народов Восточной Европы после монгольского нашествия завершается в Золотой Орде Смуты и гражданской войной – Великой Замытней (1360 г.). *Второй* – концом татаро-монгольского ига на Руси и созданием Московского государства (1483 г.). *Третий* – Смуты на Руси (1606 г.). *Четвертый* – завершением Петровских реформ (1732 г.) и созданием Российской империи. *Пятый* – недовольством крестьян во время Великих реформ (1862 г.): своеобразный аналог Смуты для своего времени. *Шестой* – становлением новой социальной системы, параметры которой еще не совсем определены (2002 г.)

На время абстрагируемся от странного явления – "выпадения" из представленной модели цикличности столь значительных процессов и событий начала XX в., как революций 1905–1907 и 1917 гг., реформ П. Столыпина, Гражданской войны, и попробуем осмыслить результат. Что перед нами: просто набор цифр, случайно совпавший с переломными моментами русской истории, или внешнее отражение эволюции самоорганизующейся системы⁵?

Очевидно, что социоприродный организм – население и территория его проживания через каждые семь поколений проходит через два рода (типа) состояния: либо переломные (бифуркационные), либо связанные с относительной социально-экологической стабильностью. Последняя каждый раз достигается в форме социально-политической организации, принципиально отличной от предыдущей. Доказывает ли такая последовательность то, что упомянутый организм в ментальном плане – не русский, но развивающийся *славяно-тюркский* суперэтнос⁶? Для проверки нужно изменить точку отсчета, приняв такую, которая явно не имеет отношения к тюркскому истоку. Например, начать летоисчисление от приглашения на княжение в Новгород Рюрика, Трувора и Синеуса (862 г.) или от захвата Олегом Киева (882 г.).

Начинающиеся от 882 г. семипоколенные циклы дают следующий ряд дат: 882–1005–1128–1251–1374–1497–1620–1746–1876–2016 гг. В их чередѣ можно при большом желании найти какой-то смысл, но ясно, что в сравнении с началом отсчета от Батыева нашествия все даты, кроме одной (1497 г.), событийно крайне невырази-

⁴ При смене поколений IX–XVII вв. – 17,5 лет, в XVIII в. – 18, XIX в. – 18–19, XX в. – 20.

⁵ Самоорганизующаяся система характеризуется способностью перехода от неорганизованной системы к организованной и далее "от плохой организации к хорошей". «Система оказывается "самоорганизующейся", если ее изменение происходит автоматически» [Берталанфи, 1969, с. 35].

⁶ Жители России, согласно одному из принятых положений СЕИ, представляют собой не русский, не славянский, но славяно-тюркский суперэтнос (см. [Кульпин, 1995]).

тельны⁷. Да и возникла ли Киевская Русь сразу как единый социоприродный организм, от которого можно ожидать четко выраженных свойств самоорганизующейся системы?

До Крещения рядовое население для элиты было чужим, *завоеванным*, которое без всяких правил можно было насиловать, как захочется, а народ в ответ на насилие считал при возможности естественным физическое уничтожение элиты, как это было с князем Игорем (946 г.). Центр государства и через сто лет после "приглашения" варягов на княжение был для князя не центром обитания своего народа, а источником экспортных товаров: меха, меда, воска и рабов, поставщиком которых для элиты было завоеванное население Руси. Князь Святослав (X в.), например, считал центром своих земель город Переяславец на Дунае [Пушкарев, 1991, с. 23]. Лишь спустя век после формальной даты основания государства элита пришла к необходимости иметь одинаковые с народом представления о мире и о себе и осуществила это намерение при помощи насильственного крещения киевлян. Только с этого момента процесс формирования восточнославянского социума как *единого организма* можно считать начавшимся.

Если считать от принятия христианства, возникает ряд дат, сильно отличающихся от модели, начинающейся с основания Киевской Руси: 989–1112–1235–1358–1481–1604–1730–1860–2000 гг. Начиная с XIII в. даты настолько точно совпадают с аналогичными при отсчете от монгольского нашествия и так же точно указывают на основные переломные моменты истории, что возникает вопрос: что же было определяющим для России? Наследие европейской идентичности, воплотившейся в христианстве? Или наследие Востока, слившееся с традициями ортодоксального христианства?

Обратимся к тому, что известно в истории об этапах утверждения христианского мировосприятия в русском обществе. За количественный индикатор процесса примем динамику роста монашества – людей, посвятивших себя служению Богу. Но поскольку статистика числа монахов отсутствует, используем косвенный показатель – *рост числа монастырей и их местоположение*.

В. Ключевский писал: "...в первые два века христианской жизни Руси мы встречаем наибольшее количество монастырей в центральной полосе тогдашней Русской земли по среднему и верхнему Днепру, по Ловати и Волхову, где наиболее сгущено было русское население... Из 70 монастырей, известных до конца XII в., на эту полосу приходится до 50... Почти все эти монастыри ютятся внутри городов или жмутся к стенам, не уходя от них далеко в степную или лесную глушь... Городские и подгородные монастыри обыкновенно созидались набожным усердием высших церковных иерархов, также князей, бояр, богатых горожан... В XIII в. продолжает расширяться круг городских и подгородных монастырей... Удельное дробление Северо-Восточной Руси содействует этому... Первый князь нового удела старался украсить свою резиденцию хотя одной обителью... Но с XIV в. замечаем важную перемену в способе распространения монастырей, и именно на Севере. Доселе почти все монастыри, как в Южной, так

⁷ Первый семипоклоленный цикл, как и все другие, заканчивается невыразительной датой (1005 г.), отстоящей от важнейшей опорной точки – формального принятия христианства – на значительный срок. Второй (1128 г.), приходится на расцвет княжеской междоусобицы (Смуты), но после безуспешной попытки ее преодоления в княжении Владимира Мономаха (1113–1125 гг.). Третий (1251 г.) – незавершенное объединение Руси (еще продолжают восстания против завоевателей). Объединение же Руси состоялось не в ходе внутренних процессов, а в ходе внешних – как следствие завоеваний Монгольской империи. Четвертый (1374 г.) – также имеет отношение не столько к внутренним процессам, сколько к внешним (если считать Орду, вассальной частью которой являлась Русь, внешним фактором). Пятый (1497 г.) – точно совпадает с важнейшим событием в жизни русского общества – принятием Судебника Ивана III, но это исключение из правила лишь подтверждает правило. Шестой (1620 г.) – трудное, в чем-то рутинное время преодоления последствий русской Смуты. Седьмой (1746 г. – начало правления Елизаветы Петровны) – также довольно рутинное время в сравнении с петровским. Седьмой – время развития Великих реформ, когда уже все решено, и завоевания Средней Азии (1876 г. – год присоединения Кокандского ханства).

и в Северной России, говорил я, строились в городах или в их ближайших окрестностях. Редко появлялась *пустынь* – монастырек, возникавший вдали от городов, в пустынной, незаселенной местности, обыкновенно среди глухого леса. В первые века нашей христианской жизни пустынножительство развивалось у нас очень туго; пустынная обитель мелькает редким, случайным явлением среди городских и подгородных монастырей. Более чем из 100 монастырей, приведенных в известность до конца XIII в., таких пустыnek не насчитаем и десятка, да и из тех большинство приходится именно на XIII в. Зато с XIV в. движение в лесную пустыню развивается среди северного русского монашества быстро и сильно: пустынные монастыри, возникшие в этом веке, числом сравнивались с новыми городскими (42 и 42), в XV в. превзошли их более чем вдвое (57 и 27), в XVI в. – в 1½ раза (51 и 35)" [Ключевский, 1988, с. 231–233].

«Пустынный монастырь воспитывал в своем братстве, по крайней мере, в наиболее восприимчивых его членах, особое настроение; складывался особый взгляд на задачи иночества. Основатель его некогда ушел в лес, чтобы спастись в безмолвном уединении, убежденный, что в миру, "среди людской молвы", это невозможно. К нему собирались такие же "искатели безмолвия и устроили пустынку". Строгость жизни, слава подвигов привлекали сюда издалека не только богомольцев и вкладчиков, но и крестьян, которые селились вокруг богатевшей обители как религиозной и хозяйственной своей опоры, рубили окрестный лес, ставили починки и деревни, расчищали нивы и "искажали пустыню", по выражению преп. Сергия Радонежского. Здесь монастырская колонизация встречалась с крестьянской и служила ей невольной путеводительницей. Так на месте одинокой хижины отшельника вырастал многолюдный, богатый и шумный монастырь. Но среди братии нередко оказывался ученик основателя, тяготившийся этим неиноческим шумом и богатством... он с его же благословения уходил от него в нетронутую пустыню, и там тем же порядком возникала новая лесная обитель. Иногда это делал, даже не раз, и сам основатель, бросая свой монастырь, чтобы в новом лесу повторить свой прежний опыт. Так из одиночных, разобщенных местных явлений складывалось широкое колонизационное движение, которое, исходя из нескольких центров, в продолжение четырех столетий проникало в самые неприступные медвежьи углы и усеивало монастырями обширные лесные дебри средней и Северной России» [Ключевский, 1988, с. 234].

Из приведенных данных следует, что до монгольского нашествия процесс христианизации лишь слегка коснулся русского населения, почти исключительно горожан, составлявших в то время не более 0,5% всего населения Руси. Священники и монахи до XIII в. обслуживали преимущественно или только властную верхушку и горожан. Показательно, что именно в эпоху ига – XIV–XV вв. монастыри "вышли" из стен городов и пошли "в пустынь", "в народ". Или иначе: народ пошел в монастыри и к монастырям. Поскольку это произошло в условиях режима наибольшего благоприятствования церкви, созданного и поддерживаемого ордынским правлением, когда возникающие монастыри получали тарханные грамоты охраны чести, жизни и имущества, то можно сказать о благоприятном восточном влиянии на ритмы русской истории. Но *переоценивать* влияние самого христианства на русскую жизнь, вероятно, нельзя.

«Куль мертвых, имевший такую силу в дохристианскую эпоху, сохранился в неприкосновенности до второй половины XVI в. ...С прежним веселием справлялись оргии русалок на Иванову ночь с мистическим омовением в реках, с беспорядочным половым смешением парней и девушек... Вера в единении мертвых с живыми и в огромное практическое значение культа мертвых была неискоренима и поддерживалась клиром... В крестьянской среде с попами конкурировали ведуны и колдуны, и чтобы выдержать конкуренцию с последними, представителям клира приходилось перенимать у них "волхования и чарования всякие"... Иначе и нельзя было. От отправителей культа требовалось знание магических обычаев и формул, способных оказать максимальное действие на божество». Даже «в XVII в. жили еще не только анимистические представления, но живьем сохранялись и старинные культы березки, домового, водяного, а местами даже Перуна и Хорса, которым "подкладывались требы", священник

мог прожить своей профессией, только пройдя всю науку волхвов». В отличие от этой "науки", которая была жизненной необходимостью, ежедневное чтение священного писания и соблюдение норм христианской морали, как ни парадоксально, не было обязательным даже для клира. "Низший клир был малограмотным или вовсе безграмотным, учился службам со слуху", высший отличался "величайшей распущенностью" [Никольский, 1991, с. 7–11]. Если к занятию волхованием рядовой священник вынужден был подходить со всей серьезностью, то христианские обряды такого подхода не требовали. В результате "на почве формального благочестия выросло своеобразное многогласие: так как службы были длинны и утомительны, а пропусков не полагалось, то, чтобы пропеть и прочитать возможно скорее все положенное по уставу, несколько причетников одновременно пели и читали молитвы и псалмы; один – одно, другой – другое. Молящиеся же, придавая всю силу именно формулам, держали себя в церкви как на базаре, и стояли в церквях в тафьях и шапках, громко разговаривали и сквернословили; попы совершали богослужения в пьяном виде, заводили между собой ругань и драки даже до кровопролития" [Никольский, 1991, с. 10].

Поведение молящихся не было случайным, поскольку церковь в России, в отличие от Западной Европы, не стала посредником-арбитром между обществом и государством. У истоков государства Российского стоял высокоодаренный, целеустремленный политик, талантливейший военный стратег, рациональный хозяин, для того жестокого времени гуманный человек (см. [Алексеев, 1979]). Первый Государь Всея Руси Иван III, по-видимому, если и не был атеистом, то никакого почтения к религии и церкви не выказывал, хотя бы потому, что стремился превратить церковь в составную часть государственного аппарата управления.

«По своим личным качествам Ивану III как нельзя лучше подходила роль могильщика политического суверенитета русской церкви. Человек сильной воли, большого ума и беспредельного честолюбия, московский князь был практически лишен всяких "сдерживающих центров" по отношению к религии и церковной иерархии... был убежден, что вопреки евангельскому изречению, Бог не в правде, а в силе. "Государь Всея Руси" в равной степени был готов протянуть руку и "римлянам", и ограбившим православные киевские храмы "бессерменам", и поклонявшимся "земле и небу" новгородским еретикам, и даже самому Сатане – хотя бы и не Вельзевулу, а лишь носившему это прозвище литовскому митрополиту» [Борисов, 1986, с. 162].

Хотя "передовой отряд церковных сил – митрополичья кафедра – не оказала великому князю эффективной поддержки в его централизаторской политике" [Борисов, 1986, с. 188], Иван III активно использовал церковь в деле собирания земель, вмешивался в борьбу за власть внутри церкви, находил временных союзников среди иерархов. Однако в одном, несмотря на княжеское давление, на крутое и бесцеремонное обращение князя с опальными церковниками, церковь стояла до конца: не шла на экспроприацию своих земель. Даже новгородский архиепископ Геннадий, обязанный великому князю вызволением из монастырской "ледовой" тюрьмы и своим возвышением, на соборе 1503 г. злобно "лял" (выражаясь словами летописца) на князя, когда речь зашла о его собственности.

Великий князь лавировал. Иногда и его союзников-иерархов приговаривали к суровым наказаниям, и ему стоило больших трудов спасти их. В наказания нередко включались жестокие избиения. В знак протеста против морального и физического давления со стороны светской власти митрополит дважды покидал свой пост. Однажды он даже принудил Ивана III к русской "Каноссе" (принудительному повиновению). Второй раз тот же прием не сработал.

Основными аргументами великого князя (судя по действиям) было наличие у него военной силы, намного превосходящей силу удельных князей или бояр, и отсутствие твердых правовых гарантий суверенитета у церкви. Иван III имел возможность и запугивать церковных иерархов. Никто, даже митрополит не был гарантирован от применения к нему физического насилия. Митрополит несколько раз пытался сбежать из тюрьмы-монастыря и каждый раз был "пойман" князем.

Создается впечатление, что Ивану III удавалось осуществлять все задуманное. Как считает Ю. Алексеев, политическое поражение великий князь Иван Васильевич потерпел в первый и последний раз в жизни, и это случилось на церковном соборе 1503 г., на котором церковь должна была "добровольно" отдать свою собственность государству (см. [Алексеев, 1979, с. 216–220]). Однако то, что не удалось Ивану III, спустя два века увенчалось успехом у Петра I.

Петр I фактически ликвидировал пост верховного православного иерарха – патриарха, оставив вместо него фикцию – престолоблудителя. Синод стал одним из государственных институтов. Но это был лишь переходный этап. В XX в. подводится печальный итог тысячелетней христианизации России. То, как были порушены (с народным энтузиазмом!) тысячи храмов в советскую эпоху, невозможно представить, к примеру, в соседней, близкой по славянской культуре стране – Польше, христианские традиции которой до сих пор имеют глубокие корни в народе.

В Польше при коммунистическом режиме в 1981 г. введение чрезвычайного положения было невозможно без консультаций между первым секретарем ЦК ПОРП и примасом католической церкви, без принципиального согласия последнего. У нас невозможно представить себе консультации не только между гэкачепистами и патриархом по вопросу введения ЧП в 1991 г., но и между Президентом РФ и патриархом перед знаменитым указом о роспуске законного парламента. В России не просто государство стояло над церковью, но, как свидетельствует история, народ с этим был молчаливо согласен. Поэтому в поисках славянских или восточных истоков ритма русской истории мы должны обратиться не к истории церкви, а к взаимоотношениям общества и государства.

Пусковой механизм главных процессов в жизни общества и государства Российского XV–XVII вв. имел своим истоком начавшийся в XIV–XV вв. демографический рост Северо-Восточной Руси, спровоцированный, как и в Китае XVII в. [Кульпин, 1990, с. 160–161; Народонаселение... 2004, с. 10], переходом от подушного (подворного) золотоордынского налога к фактически поземельному в XIV в.,⁸ стабильной внутренней и внешней политикой в эпоху монголо-татарского ига (см. [Горский, 2000]) и наличием казавшейся безграничной лесной целины.

Стремительные (по темпам течения времени средневекового общества) рост населения и распашка лесной целины XIV–XV вв.⁹ во времена монголо-татарского ига обусловили в эпоху независимого Московского государства ряд принципиальных негативных изменений в природе, социальной структуре, политике, общественных отношениях, вылившихся в комплексный социально-экологический кризис, эпицентр которого пришелся на Смуту начала XVII в. (см. [Кульпин 1995; 2005]). Лишенная плодородия, выпавшая земля в массовых масштабах забрасывалась (в Московском княжестве к 1685 г. 95% земли были брошены [Каримов, 1997, с. 69, рис. 1]), низинные места заболачивались или превращались в озера¹⁰.

"История крестьянской пашни начинается с факта, указывающего на ее постепенное сокращение. Это сокращение остается самым характерным явлением вплоть до

⁸ На Руси после начальных переписей населения (дворов) для налогообложения установление постоянной величины налога практически означало переход с подушного налога на налог на территорию. С начала XIV в. стабильность внутренней и внешней политики позволила подавляющему большинству населения Северо-Восточной Руси безопасно жить на хуторах (в одно-двух-трех дворках) с непрерывным освоением целины починками. Лишь с конца XV в. из-за нехватки земли происходит концентрация населения в селах [Дегтярев, 1980, с. 8, 15].

⁹ Сами по себе рост населения, наличие лесной целины, полное отсутствие средневековых безработных – бобылей и холопов на пашне, крестьян, продающих себя в рабство землевладельцам ради прокормления семьи, объективно свидетельствуют о тогдашнем благополучии жизни народа, но, конечно, не элиты, лишенной возможности самовластья.

¹⁰ В XVI–XVII вв. "езде, кроме ополий, обилие стоячих вод – болот и озер" [Готье, 1937, с. 91].

конца XVI в." [Готье, 1937, с. 333, 340–342]. В конце XV в. впервые на Руси появились безземельные крестьяне и наемный труд в деревне, отсутствовавшие еще в середине века, – бобыли и холопы на пашне. За полтора века (с начала XVI до середины XVII в.) удельный вес бобылей в общей массе зависимого населения вырос с нуля до 25%, а местами достиг 40–50% [Дегтярев, 1980, с. 170]. Как значительное, а затем и массовое явление, в XV в. на Руси появляется наемный труд, в XVI в. – нищенство [Готье, 1937, с. 347]. Если в XIV–XV вв. идет демографический рост, то с конца XVI в. от всех невзгод происходит депопуляция населения.

На традиционно лучших землях Северо-Восточной Руси: в опольях и в лучших хозяйствах – монастырских "первые два десятилетия XVII века патриаршие вотчины встретили в состоянии тяжелой хозяйственной разрухи". Как и в других областях, появилось много пустых и нищенствующих дворов и пустошей, возникших на поросшей лесом пашне [Кичигин, Иванов, 1993, с. 68]. По имеющимся данным, падение численности населения привело к полному отсутствию дефицита земли. В монастырских вотчинах вблизи Суздаля в 1630-х гг. бобыльских дворов, как правило, либо не было вовсе, либо они составляли крайне незначительную долю – 3–6% от общего числа дворов. Из-за бедственного состояния Суздальского уезда в течение первой трети XVII в. в монастырских вотчинах не велось обычной отчетности: окладные книги не обновлялись всю первую треть XVII в. [Горская, 1977, с. 254, 256–257, табл. 44].

Поскольку все эти негативные явления имели место не в Золотой Орде, а уже в Московском государстве, неизбежен вопрос: а что же оно приняло в наследство от Золотой Орды? Когда говорится об этом наследии, то чаще всего упоминаются дворянские рода татарского происхождения, гербы Российской империи (где три короны – символизируют Казанское, Астраханское и Сибирское ханства), языковые, культурно-бытовые заимствования и т.п. Нередко в него включаются и, по сути дела, общие черты любого централизованного государственного правления, происхождение которых не всегда принципиально или ордынское происхождение сомнительно. Например, Дж. Джираудо пишет: "Административная практика ханов и их чиновников на Руси оказала невторостепенное влияние на учреждение создающегося московского централизованного государства: хан выбирает наследника по своей воле, и Иван III вводит этот принцип в династическую политику московских государей; ханская *яса* имеет функции, сходные с функциями боярской думы; как один хан может чеканить монету, так и московский государь; когда Иван III учреждает поместную систему, он, по всей вероятности, подражает тюркскому суюргалу; Иван Калита собирает дань со всей Руси, подати и налоги, которые поступают в единую казну хана; преемники Калиты создают единую казну московского государя" [Джираудо, 1997, с. 29]. Но единая казна – цель любого правителя. Хан действительно выбирал наследника по своей воле, но реальным преемником, как правило, становился другой, физически уничтожавший назначенного наследника и одновременно других претендентов на власть – родственников чингизидов. Так, Узбек-хан убил 20 родственников, а также их ближайших подручных [Сафаргалиев, 1996, с. 331–332]. Отнюдь не один хан в Золотой Орде чеканил монету [Пономарев, 2002]. Поместную систему Иван III создал потому, что другого способа оплаты государственных служащих у него просто не было (об этом ниже).

Часто перечень "наследства" расширяется без необходимого на то обоснования, например: «Русь унаследовала от Орды жажду "имперского порядка". Она получила ямскую службу, переписи, подати, то есть "федеральный бюджет"... "общее экономическое пространство"... при этнической и религиозной автономности входящих в это пространство народов. Данный вмещающий ландшафт вместил именно то, что должен был вместить, а под какими именами и эмблемами – это уже драма другого, человеческого уровня» [Аннинский, 1940, с. 124]. Посмотрим, как последнее толкование соответствует реалиям.

Кроме вмещающего ландшафта, определенного природой, все вышеперечисленное Россия получила в наследство не как факт, не как налаженную систему, так сказать, из рук в руки, но просто как понятие, *как идею*. История знает примеры передачи на-

лаженной системы управления даже при крутой смене власти, но это к Орде и Московскому государству отношения не имеет. К примеру, после падения Наполеона вернувшаяся к власти королевская династия с удивлением обнаружила, что казна Франции отнюдь не пуста, а финансовая система – в полном порядке. Франция того времени в победах и поражениях оставалась единым живым и здоровым социально-экономическим и культурным организмом. Что касается Руси конца XV в., то никакой казны от Орды она не приняла, как и налаженной системы управления государством. Ямская служба и переписи вошли в жизнь России много позднее образования Российского государства. Система податей в последнем была в целом иной, чем в Орде, а о приходной и расходной частях бюджета и говорить нечего. Общее экономическое пространство стало таковым только с началом функционирования великих железнодорожных магистралей в конце XIX–начале XX в.

Новая империя начинала свою жизнь практически с "чистого листа", в условиях преддверия негативных климатических перемен и ряда других неблагоприятных явлений. В отличие от Золотой Орды, начинавшей свое существование в исключительно благоприятных природных условиях – климатического оптимума раннего средневековья [Клименко, 2005], Северо-Восточная Русь к моменту формального падения Золотой Орды в 1480 г. находилась в преддверии социально-экологического кризиса [Кульпин, 1995]. В XV в. закончилось благодатное время – климатический оптимум тысячелетия. За ним следовал так называемый Малый ледниковый период. Между теплом и холодом был переходный этап, который всегда характеризуется крайней неустойчивостью погоды, стихийными бедствиями. Природные, экономические, информационные и культурные потенции к созданию империи у Московского государства были неизмеримо слабее, чем у Золотой Орды в эпоху от монгольского нашествия до Великой замятни. Природные условия Улуса Джучи не препятствовали росту населения Степи в течение почти ста лет [Кульпин, 2006; 2007^б]. На Руси же к моменту формирования Московского государства уже обозначились негативные тенденции социально-экологического развития, связанные с аграрной перенаселенностью: дефицит земли, лесов, в лесах зверя и меда, в реках – рыбы. А пушнина, наряду с медом и воском, традиционно оставалась главной статьей экспорта Руси.

Не было у московских князей необходимых навыков управления, не было китайских и других иноплеменных компетентных советников, которые стояли у истоков Великой монгольской империи. Не было и материальных ценностей, конфискованных у побежденных народов, и квалифицированных мастеровых, насильственно собранных из числа тех же народов для устройства центра империи, промышленности, обслуживания государственного аппарата. Не было кочевников – социального слоя, самим своим предыдущим развитием приспособленного к постоянной территориальной мобильности, готового стать связующим звеном для передачи информации и материальных ценностей. Не было самой природой приготовленных хороших дорог. И многого другого не было: "засилья" иноземных купцов, таможенные сборы с которых наполняли казну хана "звонкой монетой"; поступления в казну от внутренней торговли также были незначительны (торговля слабо развита, расстояния – большие, дороги – плохие); не было развитого производства и обмена, дающих возможность концентрировать деньги – всеобщий эквивалент, столь необходимый для развития государства; не было навыков контроля за производителем. К тому же нельзя не учитывать трудности контроля над существенной, правда, неумолимо сокращавшейся частью населения – бродячими лесовиками-промысловиками, попутно занимающимися подсечным земледелием [Кульпин, 2007^а].

Освобождение от ханского ига имело негативную сторону. При вассальной зависимости не было единого русского государства, а следовательно, и необходимости содержать большой административный аппарат, большую армию. В. Ключевский писал: "Успешным собиранием Руси Московской государь-хозяин приобрел один капитал: то были обширные пространства земли, пустой или жилой, населенной крестьянами. Только этот капитал он и мог пустить в оборот для обеспечения своих служилых лю-

дей" [Ключевский, 1988, с. 202]. Для использования этого "капитала" не обязательны ни высокая производительность, ни отлаженная налоговая система, но необходимо наличие значительного государственного земельного фонда, свободных земель, не занятых вотчинниками, не находящихся в частной собственности, и во владении людей, работающих на ней. Политическая история последней четверти XV в. характеризуется постепенным переносом акцента с процесса соединения русских земель под эгидой Москвы на процесс испомещивания служащих государству.

Земли свободных лесных крестьян (так называемых "черных") были объявлены Иваном III государственной собственностью. Однако этих земель было недостаточно для испомещивания растущего воинства. В "резерве" оставались земли феодалов, владевших землей по праву наследования, – вотчинников, которые делились на светских и духовных. Иван III во время своего княжения осуществлял медленную национализацию земель духовных и светских феодалов. Присоединяя к Москве окраинные русские княжества, он переселял местных вотчинников в центральные области, предоставляя им поместья, прежде всего в своем домене, а на их место "сажал" московских бояр и "детей боярских". Периодическое перераспределение земельного фонда, использование его в качестве госбюджета, постепенно превратилось в одну из основных функций Московского государства, а единоличная собственность государя на землю (в то время основной вид собственности) стала экономической базой самовластья государя.

Первый этап решения проблемы – юридический. После более чем четырехсотлетнего перерыва со времен Ярослава Мудрого и его ближайших наследников в 1497 г. создается Судебник, согласно которому вся земля объявляется собственностью великого князя, то есть государственной¹¹. Иными словами, перед нами феномен первой в истории России *национализации de jure*. Это еще не фактическое, а только юридическое лишение прав всего народа, всех социальных слоев без исключения собственности на землю, то есть основного вида собственности во все времена. С этого времени юридически все подданные великого князя становятся не собственниками, а временными "держателями" земли, даже если это вотчина – земля испокон веков принадлежавшая предкам владельца. Как говорили тогда, *вся земля должна "служить" государству*.

В этом-то и состоялось принятие главного наследства от Золотой Орды. В монгольской традиции хан – владелец всей земли. У русских такой традиции не было. В XII–XIII вв. в Северо-Восточную Русь князья перевозили крестьян из Подднепровья на "свою" землю¹² в ополья – немногие безлесные территории в гуще северных лесов. В дальнейшем растущее население осваивало лесную целину. В Северо-Восточной Руси она не была собственностью князя и в "сохи" (налог) она до XVI в. не "положена". К концу XV в. не менее 90% всей пашни Северо-Восточной Руси представляла собой поднятую лесную целину. Иными словами, в соответствии с русскими традициями нельзя было обязать *всю* землю "служить" государству. Не случайно, что вначале Иван III для испомещивания использовал землю своего домена, потом экспроприированную боярскую и церковную землю Великого Новгорода. Сложность первой экспроприации заключалась в том, что это была хоть и завоеванная земля, но не чужая, с которой по праву победителя можно было поступать, игнорируя традиции местного населения. Ивану III пришлось осуществить сложную многоходовую интригу для ле-

¹¹ Причем не только поверхность земли, но неявно и недра, поскольку о недрах в законе ничего не говорится. А на Руси не было тайной, что в западноевропейских странах недра принадлежат не феодалу, а всему обществу.

¹² О трех направлениях славянской миграции под давлением половцев см. [Кульпин, 2005].

гализации акций конфискации, распределения и передела земельной собственности торговой республики¹³.

Иван III таким образом ввел в теорию и практику русской жизни то, что Л. Васильев назвал принципом *власти-собственности* (см. [Васильев, 1982]), когда власть (владение) отождествляется с собственностью, а собственность становится функцией власти-владения [Васильев, 1993, с. 66–70]. Главный смысл различий антично-буржуазного Запада и традиционного Востока, по мнению ученого, в том, что "на Востоке государство и развитый аппарат администрации сложились раньше, чем появилась частная собственность. Потому и эта разновидность собственности, сознательно оскопленная властью, и тесно связанные с ней рыночно-частнособственнические отношения оказались здесь чем-то вторичным и зависимым от отношений власти и аппарата администрации. Эта зависимость проявлялась, в частности, в том, что правитель и созданные им органы управления строго контролировали всех подданных, не взирая на их имущественное положение. Более того, чем богаче оказывался подданный (частный собственник), который не имел отношения к аппарату власти, тем в менее благоприятной обстановке он вынужден был существовать. Ни привилегий, ни гарантий, ни защиты со стороны закона он не имел. Существовал неприкрытый произвол администрации, воспринимавшей все достояние государства как свою собственность. В этом суть явления, характеризуемого предложенным мной термином *власть-собственность*" [Васильев, 2007, с. 152].

Все вышеприведенные положения, относимые Васильевым к Востоку, могут быть приложены к нашей стране на большей части истории царства-империи. Начало и конец утверждения частной собственности на землю в Московском государстве падает на краткий период конца XV–начала XVI в. Индикатор явления – массовость тяжб за землю именно в это время [Алексеев, 1979], которая быстро сходит на нет с распространением поместной системы – реального выражения иной, конкурентной и утвержденной властью государственной собственности на землю.

Начиная с этого времени, собственник ни привилегий, ни гарантий, ни защиты со стороны закона за редким исключением в нашей истории не имел. Часть населения всегда выражала несогласие с таким положением дел, но диссиденты никогда не были способны сделать свои убеждения всеобщими и, самое главное, побудить подавляющее большинство народа к изменению существующего положения. Волны недовольства нарастали от поколения к поколению, а достигнув максимума, снижались почти до нуля. В отдельные периоды российской истории мы наблюдаем в массовом сознании *почти всеобщую убежденность в том, что власть-собственность – естественное состояние общества*, в другие – *сомнения в естественности этого положения у больших групп людей*. Эпицентры того и другого поразительно точно "укладываются" в завершения семипоклоленных демографических циклов, берущих свое начало от монгольского нашествия. Каждый эпицентр сомнений имеет свою предысторию.

Волны сомнений идут извне, причем не с Востока, а с Запада. Так, в результате долгих обсуждений с ведущим специалистом в Европе по Великому княжеству Литовскому (далее ВКЛ) К. Петкевичем о влиянии на эволюцию ВКЛ Запада и Востока мы пришли к согласию. Главный момент согласия, как я его вижу, состоял в том, что Ли-

¹³ Сначала он конфисковал земли новгородских бояр за "измену" – сопротивление с оружием в руках "своему" сюзеру – Государю Всея Руси. Затем раздал конфискованную землю боярам московским в награду за завоевание Новгорода. Потом казнил часть новых московских землевладельцев и, по обычаям тех времен, экспроприировал их земли. Далее, он вывел Новгород из-под юрисдикции московской думы, передав его в княжение своему сыну, который объявил о "независимости" от отца. Сын – Иван Молодший с согласия новой подконтрольной ему новгородской думы, экспроприировал церковные земли Новгородчины. Сам отец осуществить экспроприацию не мог, так как не мог получить на то согласие московской думы. Затем сын "раскался" в "измене", вновь передал отцу бразды правления, а тот раздал экспроприированные земли в поместья. Собственно говоря, именно с этого момента поместная система и стала *системой*.

вонская война была первым актом первой гражданской войны русского народа за выбор пути развития. "Эта гражданская война, с перерывами длившаяся более столетия, стала исходным моментом движения двух частей народа по разным этническим и цивилизационным траекториям" [Кульпин, Петкевич, 2004].

Изгнание поляков из Москвы, с легкой руки Государственной думы РФ ставшее сейчас национальным символом (Днем отечества), – как раз тот переломный момент, когда качающаяся стрелка весов истории повернулась в сторону *утверждения власти-собственности*. И этот поворот имел прочное основание в общественном сознании: не случайно победивший народ, при первых Романовых, ежегодно обсуждая и принимая решения на соборах, в течение более 10 лет утверждал самодержавие, иными словами, реставрировал и совершенствовал систему власти-собственности.

Власть-собственность достигла своего максимального выражения в ходе Петровских реформ, продолжавшихся некоторое время и после смерти царя. Именно тогда в сознании, точнее – в общественном бессознательном, был сформирован идеал правления, приемлемого одновременно и для элиты, и для народа, поскольку всеобщее рабство компенсировалось вертикальной социальной мобильностью, в известной мере меритократией и государственным патернализмом¹⁴.

Затем у элиты стали нарастать сомнения в эффективности власти-собственности, способности государства противостоять внешнему воздействию со стороны прогрессирующей Европы. Эпицентр сомнений приходится на преддверие Великих реформ XIX в. Попытка перехода на европейскую систему ценностей привела к второму социально-экологическому кризису в истории России – кризису одновременно природы и общества¹⁵. Можно, конечно, анализировать ошибки процесса трансформации системы власти-собственности, но ошибки всегда неизбежны: как умели, так и проводили реформы. Важно другое: во время перехода его трудности и издержки от поколения к поколению подспудно способствовали перемене вектора настроений от положительного полюса к отрицательному. Согласно ритмам истории, о которых я веду речь, эпицентр всеобщей убежденности в естественности для нашей страны системы власти-собственности приходится *как раз на наши дни*. Можно ли доказать это?

На этот счет долгое время не было четких представлений. Ведь при неизменности ее сути – формы выражения власти-собственности всегда различны. Идеологические, социально-экономические "одежды", в которые она рядится, скрывают сущность. Особенно наглядно это проявляется тогда, когда исследователь "сам обманываться рад". Уже очень многим хотелось и хочется до сих пор видеть Россию европейской, а не азиатской страной. Европеизированная (в прямом и переносном смысле) "одежда" петровской и постпетровской России создавала образ страны европейской. Марксистская идеология и социальная система советской России поддерживала эту иллюзию. Форму принимали за суть. Фундаментальная концепция Васильева не сразу завоевала признание в научных кругах, а осмысление в свете этой концепции советского периода истории России вообще не осуществлялось. А когда начали смотреть на феномен России под углом зрения власти-собственности, было непонятно: в чем конкретно, в каких формах, "одеждах" "пряталась" эта самая власть-собственность, в чем реально воплощалась. Недавнее исследование Н. Плискевич вскрыло суть данного периода нашей истории¹⁶, доказав, что, во-первых, реальным воплощением власти-собственно-

¹⁴ Анализ процесса, "формулу" неформального общественного договора и культурный код российской цивилизации – систему основных ценностей см. в [Кульпин, 2005].

¹⁵ Наиболее яркими выражениями этого кризиса стали резкое падение плодородия почв на лучших землях страны в Черноземном центре и Поволжье, голод начала 1890-х гг., военное поражение в Русско-японской войне, революция 1905–1907 гг., негативные социальные последствия реформ Столыпина (см. [Кульпин 2007^в]).

¹⁶ Поскольку "сухой остаток" оставляет за "бортом" многое, а рассмотрение положений статьи Плискевич является темой другой статьи, я просто рекомендую читателю прочесть это основательное глубокое исследование.

сти была власть-собственность партии¹⁷, а во-вторых, неэффективность власти-собственности не является природной чертой, а только технической, связанной с ослаблением обратной связи, с утратой своих функций контролирующих органов¹⁸.

Любая система, как живой организм, активна лишь при действии прямой и обратной связи. В российской системе власти-собственности обратная связь в советский период осуществлялась через контролирующие органы (партгосконтроль, ВЧК–НКВД–КГБ). Деграция этих органов, убедительно показанная Плискевич, привела к краху партийной ипостаси системы-собственности, но из этого вовсе не следует, что можно проецировать крах партийной ипостаси на кризис системы как таковой. Из логики Плискевич справедливо вытекает: была бы обратная связь эффективной, краха бы не было. Но что такое эффективность обратной связи? Обратная связь не обязательно должна осуществляться варварскими антигуманными методами. История Востока демонстрирует приемлемость для общества деспотизма с гуманным лицом.

Поэтому, разделяя основные фактические положения и научный метод доказательства, не могу согласиться с конечными выводами ученого. Плискевич пишет: "Все это означало, что в недрах советской системы созревали условия для новой мутации собственности. Причем данный процесс охватывал не только управленческую верхушку, но и все население". И конечный вывод: «...при такой постановке проблемы не столь абсолютными, как представляется сегодня, становятся препятствия, чинимые нашему развитию традиционалистскими компонентами отечественной культуры... Несмотря на то, что система "власти-собственности" по-прежнему демонстрирует свою устойчивость, можно утверждать, что предпосылки к ее мутации в стране вполне созрели. И наш "переходный период", скорее всего, будет продолжаться до тех пор, пока эта мутация не станет фактом» [Плискевич, 2006, с. 79, 111].

Любая система, как живой организм, в ответ на вызовы окружающей среды использует все возможности для самосохранения, осуществляет внутренние перестройки, не меняющие ее сути. События постсоветского времени показывают, что происходит не *принципиальная мутация* системы власти-собственности для перехода ее в систему, где власть отделена от собственности, а *внутренняя перестройка*, призванная модернизировать контролирующие органы и тем самым укрепить систему. Не случайно идет проникновение ФСБ во все сколько-нибудь значимые финансовые, экономические и промышленные организации. Одновременно идет укрепление вертикали власти. Насколько эта перестройка окажется эффективной – другой вопрос, но тенденция очевидна. И движение в этом направлении будет идти до тех пор, пока не найдутся достаточно эффективные методы контроля над обществом и его производящей деятельностью без изменения сути системы. Самое главное, что эта тенденция поддерживается населением, как бы ни относиться к результатам президентских и думских выборов XXI в. и рейтингу В. Путина.

Делать прогнозы в глобализирующемся мире, исходя только из внутренних тенденций системы, невозможно, а какова будет результирующая внутренних и внешних влияний, "запрограммированных" генетическими кодами принципиально разных систем, предугадать трудно. Но если внешние воздействия будут слабыми (или искус-

¹⁷ «За эвфемизмом "диктатура пролетариата" с самого начала скрывалась реальная диктатура партии, захватившей власть в стране, т.е. партии большевиков – РКП(б), ВКП(б), КПСС. Эта партия, обретшая вид партии-государства, и стала *фактическим собственником всех производственных активов страны*... признание ответственности перед собственником не только менеджмента и рядовых работников, но и просто членов общества является свидетельством общественного признания легитимности собственности... Фактическое признание советским обществом верховенства партийной ответственности – свидетельство легитимности в его глазах партии-государства как верховного собственника» [Плискевич, 2006, с. 75].

¹⁸ Снижение почти до нуля функций контроля способствовало понижению эффективности и в конечном счете – краху всей системы (см. [Плискевич, 2006, с. 79]).

ственно ослабленными), то исходя из закономерностей предыдущего исторического развития, можно предположить, что понадобится смена нескольких поколений для нарастания в обществе сомнений относительно естественности и, следовательно, приемлемости для него системы власти-собственности.

Что происходит сейчас? От горбачевской перестройки и падения Советского Союза нас отделяет интервал времени, равный одному этапу демографической смены поколений. Основная часть физически активного, работоспособного населения обновилась. Общественное бессознательное постперестроечной России не приняло условия жизни западноевропейской цивилизации, где власть и собственность разделены. Все, для кого неприемлема система власти-собственности, покинули страну или покинут ее в ближайшее время. Оставшиеся участвуют в процессе модернизации власти-собственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Ю.Г.* Государь Всея Руси. Новосибирск, 1979.
- Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров в XIII и XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический Архив. 1940. Т. 3.
- Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
- Борисов Н.С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М., 1986.
- Васильев Л.С.* Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
- Васильев Л.С.* История Востока. В 2 т. Т. 1. М., 1993.
- Васильев Л.С.* Феномен феодализма (Новый взгляд на старую проблему) // Общественные науки и современность. 2007. № 6.
- Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977.
- Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000.
- Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937.
- Дегтярев А.А.* Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.
- Джиграудо Дж.* Тюркские модели древнерусской государственности и московское чувство царской преемственности // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Казань, 1997.
- Каримов А.Э.* Роль Москвы в формировании культуры природопользования в центральной России (XVI–начало XX вв.) // История изучения использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М., 1997.
- Кичигин М.И., Иванов А.Л.* Владимирское ополье. Историко-хозяйственный очерк. Владимир, 1993.
- Клименко В.В.* История климата Восточной Европы // *Кульпин Э.С., Клименко В.В., Пантин В.К., Смирнов Л.М.* Эволюция российской ментальности. М., 2005.
- Ключевский В.О.* Соч. В 9 т. Т. 2. М., 1988.
- Кульпин Э.С.* Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке. М., 1999.
- Кульпин Э.С.* Демографические и миграционные процессы тюрков и славян в Восточной Европе в XIV–XVII вв. // Восток. 2004. № 4.
- Кульпин Э.С.* Золотая Орда. Проблемы генезиса российского государства. М., 2007^а.
- Кульпин Э.С.* Золотая Орда: судьбы поколений (статьи первая и вторая) // Восток. 2006. № 6; 2007^б. № 1.
- Кульпин Э.С.* Истоки ментальности россиян // *Кульпин Э.С., Клименко В.В., Пантин В.И., Смирнов Л.М.* Эволюция российской ментальности. М., 2005.
- Кульпин Э.С.* Конфликт ментальностей в реформах Столыпина // Человек и природа: противостояние и гармония. М., 2007^б.
- Кульпин Э.С.* Концепция социоестественной истории Китая // Народы Азии и Африки. 1988. № 6.
- Кульпин Э.С.* Основные понятия социоестественной истории // Терминоведение и профессиональная терминологистика. Вып. 1. М., 1993.
- Кульпин Э.С.* Путь России. М., 1995.

- Кульпин Э.С.* Социоестественная история: понятие и проблемы. (Автореф. дисс. д. филос. н.). М., 1992.
- Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае. М., 1990.
- Кульпин Э.С., Петкевич К.* Восточная Европа между двумя смутами: феномен Великого княжества Литовского // *Общественные науки и современность*. 2004. № 2.
- Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М., 2001.
- Народонаселение Китая.* Серия “Основные сведения о Китае”. Пекин, 2004.
- Никольский Н.М.* Реформы Никона и происхождение раскола // *Три века. Россия от смуты до нашего времени. Исторический альманах*. В 6 т. Т. 2. XVII век. Вторая половина. Репринтное издание. М., 1991.
- Плискевич Н.М.* “Власть-собственность” в современной России: происхождение и перспективы мутации // *Мир России*. Т. XV. 2006. № 3.
- Пономарев А.Л.* Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи (квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики). М., 2002.
- Пушкарев С.Г.* Обзор русской истории. М., 1991.
- Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // *На стыке веков, континентов и цивилизаций (из опыта образований и распада империй X–XVI вв.)*. М., 1996.

© Э. Кульпин-Губайдуллин, 2008